

Литературный факт. 2025. № 4 (38)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-396-414>

<https://elibrary.ru/UZLG1K>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Последний приют» Пушкина глазами странствующих очевидцев

© 2025, А.Г. Разумовская

Псковский государственный университет,
Псков, Россия

Аннотация: В статье впервые представлен анализ того, как складывался литературный образ важнейшей «пушкинской мемории» — Святогорского монастыря. Создававшийся в российском культурном сознании рядовыми и знаменитыми авторами XIX и XX вв. — паломниками в пушкинские места, этот образ до сих пор не являлся предметом специального литературоведческого внимания. Материалом для исследования служит мемуарно-документальная и художественная литература: письма, воспоминания, путевые заметки, рассказы, стихотворения. Используя историко-литературный, сравнительно-исторический и структурный методы исследования, автор статьи выявляет мотивный комплекс, связанный с посещением святыни: природно-ландшафтные особенности места, экскурс в историю монастыря, участие повествователей в панихиде по Пушкину, описание его могилы, размышления о поэте, национальной истории и культуре, о судьбе России. Прослежена историческая динамика идей, связанных с литературным образом: от констатации конечности человеческого существования через утверждение духовного бессмертия поэта, сохранения преемственной связи поколений к пониманию величия России, средоточия в этой точке Отечества исторической, культурной, поэтической памяти. Показано, что использование литераторами ряда повторяемых клише способствовало превращению места захоронения поэта во «вторичную», мифологическую данность, ставшую духовной и эстетической проекцией данности реальной.

Ключевые слова: Пушкиногорский код, Святогорский монастырь, могила А.С. Пушкина, травелог, Д.И. Мацкевич, К.А. Тимофеев, К.К. Случевский, В.В. Тимофеева-Починковская, мифологизация, культурная память.

Информация об авторе: Аида Геннадьевна Разумовская — доктор филологических наук, руководитель Научно-просветительского центра русского языка и культуры имени профессора Е.А. Маймина, доцент, профессор, Псковский государственный университет, пл. Ленина, д. 2, 180000 г. Псков, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

E-mail: razumov.ag@yandex.ru

Для цитирования: Разумовская А.Г. «Последний приют» Пушкина глазами странствующих очевидцев // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 396–414. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-396-414>

«Пушкинские мемории» на Псковской земле, по определению Н.Л. Вершининой, принадлежат к «универсально значимым» явлениям (курсив автора. — А.Р.) [5, с. 63, 64] национально-культурной памяти россиян. Осмысление историко-культурного феномена «Пушкинского уголка»¹ и генезиса его развития представлено в многочисленных научных исследованиях [1; 2; 7; 12; 15; 17; 20]². В гораздо меньшей степени изучено функционирование образа этих мест в литературной памяти россиян. Существующий в русской словесности «пушкиногорский код»³ включает в себя комплекс усадеб Михайловское, Тригорское, Петровское. Несмотря на явный интерес исследователей к мифологизации «пушкинского уголка» [5, с. 63–98; 16, с. 149–171], в том числе в путевых заметках [18; 11; 14], неизученным остается такой устойчивый компонент этого кода, как место упокоения А.С. Пушкина — Святогорский монастырь [3; 4].

Целью данной статьи является осмысление этого образа, создававшегося рядовыми и знаменитыми авторами XIX и XX вв., анализ процесса его мифологизации в пространстве литературной памяти.

Самое первое изображение «последнего приюта» Пушкина, как известно, оставил его друг, свидетель погребения — публицист и историк А.И. Тургенев [19]⁴. Как выглядела могила поэта в 1837 г., описал П.А. Плетнев:

За церковью, перед алтарем, представляется площадка шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по другому. Она похожа на крутой обрыв... Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем в четверть аршина. Она

¹ Это неофициальное название закрепилось в издании: *Острогорский В.П.* Альбом «Пушкинский уголок» М.: Изд. худож. фототипии К.А. Фишер, 1899. 119 с.

² См. также ставшие классическими издания: *Гейченко С.С.* У Лукоморья. Л.: Лениздат, 1986. 5-е изд., доп. 493 с.; *Гордин А.М.* Пушкинский заповедник. Л.; М.: Искусство, 1963. 305 с.; *Гордин А.М.* Пушкин в Псковском крае. Л.: Лениздат, 1970. 326 с. и др.

³ Под ним мы понимаем, подобно «царскосельскому коду» вслед за В.Н. Топоровым, сложившуюся в культуре пушкиногорскую мифологию, состоящую из набора устойчивых признаков: названий усадебных топосов (Михайловское, Тригорское, Петровское), природных объектов (река Сороть, озеро Кучане, Савкина горка и др.), парковых атрибутов («Аллея Керн», «Остров уединения», «Скамья Онегина», «Аллея Татьяны»).

⁴ Также см.: *Васильев И.И.* Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. 63 с.

укладена дерном. Посередине водружен черный крест, на котором из белых букв складывается имя «Пушкин»⁵.

Святогорский монастырь (Галерея видов Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым.

Псков: Псков. литография в тип. Праца, 1837–1838. Ч. 1–2).

The Svyatogorsky Monastery (Gallery of Views of the City of Pskov and its Environs, Taken from Life, Published by the Pskov Provincial Land Surveyor Ivanov, part 1–2.

Pskov, Pskovskaia litografiia v tipografii Pratsa, 1837–1838).

Тогда же псковским землемером И.С. Ивановым был сделан рисунок могилы по заказу губернатора А.Н. Пешурова⁶.

Но начало мифологизации Святогорского монастыря было положено П.А. Вяземским. Впервые посетив Святые Горы в сентябре 1841 г., он рассказал об этом в письме П.В. Нащокину 30 декабря 1841 г.:

⁵ Плетнев П.А. О литературных утратах // Современник. 1838. Т. 9. С. 55–56.

⁶ Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым. Псков: Псков. литография в тип. Праца, 1837–1838. Ч. 1–2. Л. 5.

Я провел нынешнюю осень несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине [9, с. 59].

Любопытно, что о мраморном мавзолее поэту, установленном в августе 1841 г., Вяземский даже не упоминает: ему важнее отметить «нерукотворное» воплощение народной памяти о Пушкине. В письме представлено зарождение мотива паломничества к пушкинскому захоронению.

Немного ранее Вяземского, 21 июня 1841 г., свои размышления у скорбного места запечатлел псковский губернатор — поэт и прозаик Ф.Ф. Бартоломей. По причине малой известности стихотворения, названного «На могилу Пушкина», приведем его целиком:

В тени дерев, в Святых горах
 Близ храма, скромная могила
 Любимого поэта прах
 Покоем вечным осенила;
 И крест без надписи стоит,
 Зарос травой в забвеньи диком;
 Но сердцу что-то говорит
 Здесь о родном и о великом.
 И скоро гордый мавзолей,
 Украсив холм уединенный,
 Укажет где в тени ветвей
 Лежит поэт наш вдохновенный.
 Пройдут века. В Святых горах
 Истлеет мрамор белоснежный,
 И Пушкин! — твой исчезнет прах
 Как призрак жизни безнадежный,
 Но не страшися! — не умрет
 В твоих твореньях дивный гений,
 Он чудный свой свершит полет
 До самых поздних поколений.
 И сила чувств и гордость дум,
 Твои стихи, твое мечтанье,
 Они, — как моря вечный шум,
 Как говор волн и вод журчанье.

Не истребить времен закон
Что не его доступно силе,
И песнопенья дивный звон
Не схоронен с тобой в могиле⁷.

Написанное после посещения могилы, производившей в те времена впечатление забвения⁸, стихотворение все же утверждает бессмертие «дивного гения» в его песнопениях, выражая мысль о родственности творческого вдохновения стихии вечной природы. В 1880-е гг. другой псковский губернатор и тоже поэт — А.Н. Яхонтов — будет также воспринимать это место как «торжество культурной и человеческой памяти над силами мрака и забвения» [5, с. 84]. Могила Пушкина у него получит определение «земли священной»: «Полвека ею мы гордились / И к ней недаром в нас любовь: / Ведь в эту землю обратились / Поэта плоть и кровь» [5, с. 84].

Развернутый мифологизированный образ пушкинского святилища, включающего в себя монастырь, могилу поэта и «сельцо Михайловское», оставил историк живописи и беллетрист Д.И. Мацкевич. В своих заметках 1846 г.⁹ он следовал, как показала Н.Л. Вершинина, в изображении усадьбы Михайловское за подписями к рисункам И.С. Иванова, литографированным П.А. Александровым и изданным в 1837–1838 гг.: «Можно сказать, что, опираясь на текст Иванова как своего рода конспект, Мацкевич добавил в свой очерк расширенный культурный план, привнес в него подобающий случаю пафос и “расцвел” “заметки” элементами беллетристического стиля» [5, с. 65]. Действительно, повествование Мацкевича, написанное в духе сентиментально-романтической эстетики, отличается лирической взволнованностью, «литературностью». Уже по мере приближения к Святым Горам путешественник отмечает перемены в ландшафте («местность становится волнистее, разнообразнее, картиннее»)

⁷ *Бартоломей Ф.Ф.* Посмертное издание произведений Федора Федоровича Бартоломей / изд. внук Ф.Ф. Бартоломей Всеволод Александрович Бартоломей. Киев: Тип. Пономарева, 1914. С. 218–219.

⁸ Об удручающем состоянии могилы поэта в XIX в. даже накануне столетнего юбилея сохранилось немало свидетельств, например: «Какое море потрачено чернил на произнесение литературных заслуг и значения А.С. Пушкина как в русской, так и в мировой литературе... а между тем могила этого великого человека, о котором столько говорят и пишут, находится заброшенная в медвежьем углу, где о ней пекутся, очень мало» (*П. Г-ри.* На могиле Пушкина // Крымский вестник. 1899. № 134. 26 мая. С. 2). См. также: [7, с. 66–67].

⁹ *Мацкевич Д.И.* Святогорский монастырь и сельцо Михайловское // *Мацкевич Д.И.* Путевые заметки. Киев: Унив. тип., 1856. С. 115–146. Цитаты здесь и далее приводятся по изданию: Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н.В. Большаковой. СПб.: Медиапир, 2025. С. 49–75.

и с воодушевлением цитирует поэтические строки М. Лермонтова и Н. Языкова, предвеляя знакомство с псковским уголком русской природы: «Куда ни взглянешь — со всех сторон представляются картины самые живописные. Природа здешняя — гармоническое сочетание сурового севера и веселого, улыбающегося юга» [14, с. 65]. Через природный мир в повествование входит мысль о вечности и о незримо присутствующем здесь поэте: «Созерцание этой природы производит на вас действие успокоительное, примиряющее, услаждающее. Понятно, почему Пушкин любил этот край и завещал похоронить здесь прах свой» [14, с. 65]¹⁰.

Дорожные впечатления путешественника сменяются изображением Святогорского монастыря, кресты и купола которого, «венчая густую зелень леса, <...> блестили в вышине, на беспредельном море неба. Обитель сия расположена на горах, среди диких, безмолвных лесов. По крутой, извилистой дороге мы подъезжали к древним стенам монастырским, оглашая утреннюю тишину звоном нашего почтового колокольчика. Нас встретил на дворе монах и ввел в кельи настоятеля, игумена Вениамина, человека почтенного, приветливого и радушного. Он предупредил желание наше и тотчас повел нас к могиле Пушкина...» [14, с. 65]. Повествователь передает свою взволнованность, используя известные риторические обороты:

Благоговейно склонил я колени над прахом славного поэта; сердцу стало грустно, ресницы оросились невольными слезами... И долго стояли мы безмолвно, погруженные в печальные размышления... Я перенесся воспоминанием к годам первой моей молодости, к той поре, которую можно назвать апогеем нашей словесности, когда имя Пушкина блестело на горизонте русской поэзии, когда звуки его лиры раздавались по всему пространству необъятного царства русского, и всякий новый стих был приветствуем искренним восторгом [14, с. 65–66].

За строками, раскрывающими эмоциональное состояние паломника при посещении «обители, скрывающей в стенах своих прах нашего поэта», следует не менее эмоциональный пересказ легенд

¹⁰ Особую поэтичность природы Святогорья отмечали и другие путешественники. Ср.: «Природа, казалось, специально для родины лирической поэзии создала этот уголок. Не трагическая, дантовская красота горных ущелий, не безграничная даль бушующего океана, не простор украинских полей, нет, красота святогорских ландшафтов мягка, нежна; небольшие горы, долины, извилистые реченки, тихие пруды и озера, все это просится на полотно мирной лирической поэзии» (*Южный П.* Пушкинские празднества. Путевые наброски. IV. В Святых Горах // Приднепровский край. 1899. 1 (13) июня. № 502. С. 1–2).

о явлении в 1563 и 1569 гг. чудотворных икон Божией Матери юродивому юноше Тимофею, о чудесах и исцелении болящих, о строительстве каменной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы с алтарем на том самом месте, «где стояла сосна с явленной иконою Одигитрии», и об иконе Умиления из Воронича, поставленной в той же церкви монастыря, расположенного «при подошве горы, в долине, окруженной горами» [14, с. 67]¹¹.

Мацкевич обстоятельно говорит о псковичах, «усердных ревнителях благочестия», о поклонении чудотворным святогорским иконам. Характеризуя современное состояние монастыря, он упоминает пожертвователей, чьи «полуразрушенные могилы рассеяны вокруг Успенской церкви». Наконец, дается описание места пушкинского погребения: «Над могилою А.С. Пушкина, близ церковного алтаря, возвышается простой изысканный саркофаг из белого мрамора, осененный золоченым крестом. Надпись указывает время рождения и кончины поэта» [14, с. 68]. Рассказчик отмечает благородную простоту памятника, олицетворяющего триумф и итог жизненного пути поэта.

Другим мотивом повествования становится описание обедни, при совершении которой присутствует паломник и которая оказывает на него утешительное и возвышающее действие:

Черные, величавые одежды иноков, их бледные лица, полные благочестивого смирения, стройное, величественное пение их хоров, среди всеобщей благоговейной жизни, наконец самое малолюдство и уединение обители — все это оставило во мне впечатления неизгладимые. Здесь, под сенью безмолвия и созерцания духовного, величие обрядов нашей Церкви и их глубокий смысл производят действие невыразимое на удрученную заботами мира душу христианина, и молитва его под мрачными сводами монастыря, не смущаемая ничем внешним, наполняя душу благочестивым восторгом, возносится к небу, как чистый фимиам... [14, с. 68]

Вера в победу духовного над физическим бытием сближает Мацкевича с Бартоломеем, а сама структура заметок, предвзялая последующее восприятие места, формирует мотивный комплекс, связанный с его посещением.

С намерением «поклониться нашей литературной святыне: праху Пушкина и знаменитым Михайловским рошам» — отправился

¹¹ На самом деле «возведение монастыря было продиктовано военной необходимостью в период Ливонской войны (1558–1583 гг.)» [7, с. 58]. См. также: [3; 4].

в Святые Горы в 1859 г. педагог, писатель, переводчик К.А. Тимофеев. В своих заметках «Могила Пушкина и село Михайловское»¹² он усилил дихотомию мимолетности и вечности противопоставлением двух миров — слободского «мира тьмы, грязи, суматохи» и природного «мира света, красоты и покоя», не скрывая своего восхищения последним: «Что за прелесть эти Святые Горы, покрытые рощами, пашнями, открывающие далекий вид на холмистый Новоржевский уезд!» [14, с. 82]. Бренное соседствует с бессмертным и в описании могилы:

Прах Пушкина покоится за алтарем главной каменной церкви Святогорского монастыря, возле самой монастырской ограды, мимо которой идет почтовая дорога в Новоржев. Старые липы осеняют белый мраморный памятник. Он стоит высоко на пьедестале и через каменную ограду виден с почтовой дороги. Железная решетка ограждает памятник: от нее шага четыре до церкви и столько же до стены. Лицевая сторона памятника обращена к церкви. Если стоишь у церковной стены, прямо против памятника, то справа и слева, сквозь ветви лип, открывается очаровательная панорама гор, засеянных гречихой и льном [14, с. 82].

Повествователю важно подчеркнуть, что могильный обелиск, окруженный решеткой, возвышается под сенью лип за каменной оградой монастыря. Символически насыщенные детали усиливают ощущение примирения, отрешенности от земной суеты. Они навевают стихотворные воспоминания:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять! [14, с. 82–83]

Тимофеев, подобно Мацкевичу, перемежает свои впечатления поэтическими цитатами, строки из стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» становятся отныне общим местом при описании пушкинской могилы¹³.

¹² Тимофеев К.А. Могила Пушкина и с. Михайловское (Письмо к редактору) // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Т. 103. VIII. Отд. II. С. 139–151. Цитаты здесь и далее приводятся по изданию: [14, с. 81–89].

¹³ Это подтверждают заметки историка Н.И. Костомарова, побывавшего здесь в 1862 г. См.: [14, с. 167–171].

При этом, вопреки возникшей аллюзии на пушкинские строки, Тимофеев сообщает:

Осмотрев немногочисленные достопамятности Святогорского монастыря под руководством отца-настоятеля иеромонаха Гавриила, человека в высшей степени обходительного и радушного, мы взяли себе в проводники крестьянского мальчика и пошли в Михайловское. Через монастырские ворота вышли мы на почтовую дорогу и, проходя мимо ограды, из-за которой виднелся памятник, мы вздумали испытать, до какой степени свежа в околотке память о михайловском помещике. «Павлуша, кто тут похоронен за оградой, знаешь ли?» — «Знаю. Пушкин». — «А кто ж он такой был?» Мальчик замялся, наконец проговорил: «Генерал» [14, с. 83].

Подобные факты, свидетельствующие о неизвестности Пушкина крестьянству, странствующие очевидцы приводили и в дни празднования столетия со дня рождения поэта. Так, «стремясь постигнуть тайну влияния поэзии на эту “черноземную” силу», путешественник поинтересовался у своего возницы:

«А за что так много едет к Пушкину? Что это он сделал, что заслужил такую память?». «— Стало быть, чин какой большой имел, — отвечивал мой ямщик: — значит, и почет ему». Другой ямщик, лет 45, ответил: «сказывают, стало быть, Пушкин, книжки умные сочинял. Господа читали и, стало быть, теперь, панихиду отправлять будут». <...> И много еще раз здесь, в Святых горах, в Михайловском, Тригорском, в других местах, вчера и сегодня, во время поездок, с грустью приходится убеждаться, что Пушкин, у себя, на родине, мало известен крестьянскому люду. «Барин был, чин какой большой...». Пятьдесят с лишним лет прошло со смерти великого поэта, и только в последние годы Пушкин народился для народа¹⁴.

¹⁴ Южный П. Пушкинские празднества. Путевые наброски. IV. В Святых Горах // Приднепровский край. 1899. 1 (13) июня. № 502. С. 1. См. также: Фаресов А.И. Александр Сергеевич Пушкин и чествование его памяти. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. С. 34–37, 51–57.

О благодарной памяти крестьян о Пушкине упоминается в издании конца XIX в.: «В монастыре покоится прах А.С. Пушкина. Вблизи могилы поэта, в 1895 году, на средства крестьян Воронежской волости (частью бывших крепостных Пушкина) устроены, в память поэта, богадельня и библиотека-читальня» (Семенов П.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриен, 1900. Т. 3. С. 316). Однако современный исследователь, ссылаясь на архивные документы, пишет, что инициатива открытия библиотеки-читальни принадлежала не крестьянам, а земскому начальнику П.Ф. Карпову [7, с. 67].

В процессе мифологизации Святогорского монастыря примечательны путевые заметки поэта, писателя, драматурга, переводчика К.К. Случевского, который в свите великого князя Владимира Александровича приезжал поклониться праху поэта в самый день его рождения в 1885 г.¹⁵ Повторяя рассказанную Мацкевичем легендарную историю монастыря, он усилил в своих записках мысль о коренной связи «пушкинского уголка» с культурно-историческом прошлым Отечества. В частности, она прослеживается в описании крестного хода:

Икона поднимается, как здесь привыкли говорить, «в поход» в первое воскресенье после девятой пятницы; ее несут во весь путь на руках, но прежде это было картиннее: ее несли только до реки Сороти; по ней и по реке Великой она следовала на судах до Выбутских порогов, затем поднималась снова на руки и шествовала на Спасо-Мирожский монастырь в Псков [14, с. 193].

Верность местных жителей историческим и религиозным традициям присутствует и в эпизоде встречи великого князя, детально воспроизведенной Случевским:

К приезду его высочества «поход» иконы был немного задержан. Ровно в 6 часов вечера прибыл великий князь к монастырю. Обычная ярмарка была на исходе; тысячи народа, расположившегося по крутым скатам святогорских холмов, обильно поросших листвою высоких деревьев, вдоль крыш и крылец лежащей у подножья монастыря слободы Тоболенец, неумолкаемым *ура* и киданием шапок приветствовали августейшего гостя, колокола гудели неумолчно. Особенно эффектен был тот момент, когда его высочество, выйдя из коляски, приблизился к монастырским воротам. Тут на носилках, готовая к походу, обставленная хоругвями, стояла икона Одигитрии, и перед нею в полном облачении, окруженный монашеством, архимандрит Николай. Яркое солнце горело на золоте иконы и ризах духовенства. Прослушав краткое приветственное слово, приложившись к иконе и осения себя крестным знамением, его высочество по обычаю прошел под нею и направился в монастырь.

¹⁵ Случевский К.К. Путешествие его императорского высочества великого князя Владимира Александровича. М.: [Б. и.], 1885. 160 с. Цитаты здесь и далее даются по изданию: [14, с. 189–244].

Подъем по лестнице к церкви крут и высок; он идет все время под навесом и, так сказать, направляет идущего прямо в церковь [14, с. 194].

Однако описание могилы Пушкина «подле самой кручи монастырского холма» Случевский дал в самых общих чертах: «С одной стороны ее — три абсиды церковные, с другой — три высокие липы, и широко кругом один из типичнейших и красивейших сельских видов наших» [14, с. 194]. Панихиде автор также не уделил особого внимания: «Панихида по рабе Божьей Александре, пропетая всем собором в присутствии великого князя и многих тысяч непокрытых голов людских, в тот самый день рождения поэта была величественна» [14, с. 194]. Талантливый и тонкий стихотворец, Случевский в изображении «литературной святыни» во многом ограничился апробированными временем клише. Тем примечательнее его размышления о Пушкине как поэте-христианине:

Пушкин, как известно, за год до своей смерти приготовил себе могилу в этом самом монастыре. Когда-то заказывал он в этом самом монастыре обедню и панихиду по боярине Георгии — это значило по лорду Байрону!? Инокам, конечно, и в ум не приходило, что они молятся за упокой души человека, не особенно-то их долюбивавшего; но тот, кто будет объяснять себе эту панихиду кошунством со стороны Пушкина, тот будет далек от истины. Пушкин, несомненно, молился, как молился и Байрон, потому что в конце концов без молитвы все-таки нельзя [14, с. 194].

Случевский приводит и известное признание поэта в письме 1836 г., адресованном П.Я. Чаадаеву, заключающее в себе «пароль и лозунг, оставленные Пушкиным русскому человеку»: «Клянусь вам честью, что ни за что на свете я не захотел бы переменить отечества, иметь другой истории, как историю наших предков, как нам Бог послал». Случевский вспоминает об этом как о свидетельстве «полной зрелости нашего поэта», а псковскую деревню, поднявшую и утвердившую его дух, считает важнейшим фактором становления Пушкина как человека «великорусского пошиба» [14, с. 195]. Влияние очерка Случевского на путешественников начала XX в., писавших о пушкинских местах (литератора В.П. Острогорского, художника В.М. Максимова и др.), рассмотрено в статье Е.А. Зонтовой [11].

Таким образом, к началу XX в. в сознании литераторов монастырский холм, «Где Пушкин спит... Над ним Святые Горы, / Мечту

певца лелея с ранних пор, / И прах его хранят, упокоенный, — / Залог любви и песни вдохновенной»¹⁶ из места погребения поэта превращается в олицетворение бессмертия его духа, а затем — в символ национальной истории и культуры.

В период исторических катаклизмов могила Пушкина становится святыней, ассоциирующимся с самой Россией. Так, в трагические дни 1918 г., когда совершалось варварское уничтожение Михайловского и соседних поместий, писательница и первый хранитель пушкинской усадьбы В.В. Тимофеева-Починковская, в дневниковых записях, ставших основой очерка «Шесть лет в Михайловском» [8], запечатлела свое посещение могилы поэта в день его рождения:

Вот и монастырские стены, и гнезда крикливых грачей на старых осинах и липах. И лестница, и дверь, открытая на внутренний выход к могилам. Как было хорошо, торжественно в былые годы, когда все собирались тут. Но сегодня, сейчас там, вероятно, никого нет, думаю про себя. Обедня отошла, храм пуст. Но издали откуда-то доносится пенье <...>. Слышу торжественный возглас: «Душу преставившегося боярина Александра... и о еже простится ему согрешения, вольная же и невольная...». Я опускаюсь на колени, и горячие слезы покатались из глаз... Слезы радости и благодарения — монастырю, монахам, певчим, настоятелю. Торжественная, полная, с трогательным чувством отслуженная панихида при полном отсутствии посторонних производила глубокое, неизгладимое впечатление [8, с. 27].

Здесь не только описывается сильнейшее воздействие церковного обряда (что уже не раз отмечалось предшественниками), но и звучит тема благодарной народной любви к Пушкину, несмотря на следы ушерб на его могильном монументе:

Я уносила мыслью в те светлые и радостные дни и со слезами не отрываясь глядела на памятник с кощунственно отбитым золотым крестом и бронзовыми украшениями, тоже отбитыми. Чувство потерянного отечества болезненно угнетало душу. Но то, что он был еще тут, этот беломраморный обелиск с именем, прославившим Россию, что существует еще эта немногословная надпись: «Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года скончался в С.-Петербурге 29 января 1837 года» и лежит под этой

¹⁶ *Остен-Сакен Е.К.* Туда (Ты знаешь край, наш край благословенный...) // *Остен-Сакен Е.К.* Напевы и настроения. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1902. С. 10.

надписью свежий букетик лиловой сирени с белой розой рядом с пучком тригорских незабудок и ландышей — все это радостно волновало меня и окрыляло душу надеждой на иное, более светлое будущее. С неумирающей памятью о родном своем гении не может умереть страна, породившая этого гения! [8, с. 28]

Надгробный обелиск в глазах мемуаристки символизирует само Отечество с его нелегкой судьбой¹⁷, а подлинная и живая память о поэте служит основанием веры в будущее России.

Укорененность в культуре и истории родины характерна и для писателей-эмигрантов. Потому в 1925 г. с болью и горечью И.С. Лукаш сообщал представителям русского рассеяния о разрушении культурных символов на «земле святой Ольги», в «захмуревшей» России: «обгорел старинный пушкинский дом, а гранитный обелиск над могилой расколот и в зияющих кирпичях виден, говорят, гроб Пушкина. Там на ржавые решетки, на гранитную плиту, в осеннем запустенье, чутко падает червонный, лапчатый лист, как и здесь... Близко за синеющими поволоками тумана спит Пушкин, спит Россия. И я вижу ее небо огромное, тихое»¹⁸. Еще более обостренным было отношение к пушкинским местам у прозаика Л.Ф. Зурова, тоскующего по родной псковской земле. В рассказе «Тот уголок земли...» (1927), почтительно соотнося собственную судьбу изгнанника с вынужденным «изгойством» Пушкина, скиталец Зуров признавался великому земляку: «К белому твоему обелиску пришел бы я пешим странником, и, перекрестившись на купола Святогорские, поклонился бы праху твоему, и у ног твоих стал бы молиться за Россию»¹⁹. В сознании представителей русского зарубежья пушкинский некрополь становится символом потерянной России.

А.П. Ладинский, также уроженец Псковского края, по возвращении из эмиграции посетил (скорее всего, в 1960 г.) Святогорский

¹⁷ Осознание на Псковской земле неразрывной связи судьбы Пушкина с судьбой Отечества отражено и в размышлениях представителей литературы второй половины XX в., например, С.А. Золотцева: «...на заповедной, святогорской, пушкинской земле я ощутил: быть русским — значит принадлежать русской земле всегда. Быть ее частью во все века и времена, и минувшие, и грядущие. Быть ее частью во всех ее лихолетьях, когда она окровавлена, обездолена и опозорена. Быть русским — значит быть ее окровавленной, обездоленной и опозоренной частью».

Тот, кто лежит на вершине Синичьей горы, понимал это ясней и острее всех, кто жил до него, рядом с ним, и кто живет после него. Потому он и стал вершинной частью русской гордости. Потому он и стал Пушкиным. Самым русским из всех русских людей» [10, с. 120].

¹⁸ Лукаш И.С. Земля святой Ольги. Угол Латгалии // Перезвоны. 1925. № 2. С. 36.

¹⁹ Зуров Л.Ф. Тот уголок земли... // Перезвоны. 1927. № 32 (5). С. 999. Примечательно, что публикация рассказа в журнале сопровождается упомянутыми выше рисунками И.С. Иванова.

монастырь, в котором для него все имело значение, поскольку было окрашено присутствием Пушкина:

Дорога спускалась с отлогого холма, и вот на другом холме показался монастырь с сложенной из полевых камней оградой и калиткой в сторожке привратника под маленькой церковной главкой. Здесь происходили ярмарки, на которых Пушкин, в широкополой соломенной шляпе и красной рубаше, слушал пение слепцов под недремным оком настоятеля Ионы, надзиравшего над поведением ссыльного поэта. Знакомая по фотографиям и сложенная из простых камней лестница ведет к собору. Церковь была взорвана гитлеровцами, но восстановлена и в ней устроен музей. В правом притворе шнуром огорожено место, где стоял гроб Пушкина во время отпевания...

Это было так давно, но в молодости приходилось разговаривать с одним стареньким генералом, родственником Осиповых, который ребенком слышал, как после похорон старшие говорили о похоронах Пушкина. Смутно припоминая прошлое, он рассказывал:

— Пушкин был маленького роста, а гроб-то большой, тело замерзло и колотилось о гроб на сугробах...

Страшная картина. Но разве мы имеем право хоть что-нибудь не упомянуть, имеющее отношение к судьбе великого поэта?²⁰

В воспоминаниях исторического романиста нет места ностальгическим переживаниям: свою задачу писатель видит именно в фиксации фактов пушкинской судьбы — при жизни поэта и после его смерти.

К проблеме судьбы Пушкина в призме его отношений с властью обращался Д.С. Самойлов в стихотворении «Святогорский монастырь». В его интерпретации гибель поэта не расценивается как обретение покоя:

Вот сюда везли жандармы
Тело Пушкина (о, милость
Государя!). Чтоб скорей,
Чтоб скорей соединилось
Тело Пушкина с душой
И навек угомонилось...²¹

²⁰ *Ладинский А.П.* Подмосковные вечера. Воспоминание о пушкинских дубравах (машинопись) // РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 32. С. 4–5 (11–12).

²¹ *Самойлов Д.С.* Святогорский монастырь // *Самойлов Д.С.* Дни: стихи. М.: Сов. писатель, 1970. С. 71.

И не является избавлением от «императорской приязни», а служит свидетельством окончательной опалы и вечного изгнания: «Пусть нам служит утешеньем / После выплывшая ложь, / Что его пленяла ширь, / Что изгнание не томило... / Здесь опала. Здесь могила. / Святогорский монастырь»²². Уже в наши дни А.М. Городницкий, продолжая мысль Самойлова, воспринимает могилу Пушкина как знак его вечной несвободы: «Цепко родная земля заключила в объятья, / — Ни до могилы не выпустит, ни после смерти» [6].

Напротив, поэт-лианозовец Вс.Н. Некрасов в стихотворении «Святогорский монастырь поздно вечером» лишил образ места какого-либо идеологического подтекста. Его интерпретация строится на оппозиции безмолвия поэта вневременному звучанию его стихов:

Тихо тихо
Только только

Только только только
Пушкин
Ничего не говорит.

Недаром начало пушкинского лирического эталона — «Редает облаков летучая гряда» — стало эпиграфом к стихотворению Некрасова. Поэт XX века трижды обращается к предшественнику, словно заклиная его: «Пушкин / Осеребри». Он играет пушкинским словом, испытывая удовольствие от переливов красок, звуков, смысла, и завершает свою «молитву» катарсисом:

Пушкин
Осеребрил

Пушкин
Осеребрит

Пушкин [13, с. 70].

Посещение Святогорского монастыря, таким образом, может стать толчком к восхищенному переживанию пушкинской поэзии, поводом осознать его могилу как святилище великих стихов, о чем емко и афористично пишет Ю.М. Кублановский: «И Святогорский холм покоит Ямбы Мира»²³.

²² Там же. С. 72.

²³ Кублановский Ю.М. ...Не Новгород купец... // Кублановский Ю.М. С последним солнцем. Paris: La presse libre, 1983. С. 324.

Итак, сложившийся за неполных два столетия мотивный комплекс, составивший мифологему Святогорского монастыря, вобрал в себя: описание ландшафтных особенностей места; экскурс в историю монастыря и констатацию его современного состояния; изображение надгробного памятника; описание церковной службы; фиксацию отношения посетителей к Пушкину, мотив преемственности поколений; размышления о судьбе России и ее национальном гении; вневременную эстетическую и метафизическую оценку пушкинской поэзии. Использование авторами апробированных временем клише способствовало в литературной памяти превращению места захоронения поэта (как и его усадьбы Михайловское) во «вторичную», мифологическую данность, ставшую духовной и эстетической проекцией данности реальной.

Литература

1. Будылин И.Т. Золотая точка России. СПб.: Новый город, 1995. 111 с.
2. Будылин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. М.: Профиздат, 2009. 320 с.
3. Васильев М.Е. Святогорский Успенский монастырь. Псков: Отчина, 1997. 62 с.
4. Васильев М.Е. Святогорский Успенский монастырь и Пушкинские торжества в Святых Горах в 1899 году // Михайловская пушкиниана. 2000. № 12. С.117–123.
5. Вершинина Н.Л. «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов. Псков: Логос Плюс, 2011. 204 с.
6. Городницкий А. Святогорский монастырь // Звезда. 2013. № 3. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2015> (дата обращения 25.03.2025).
7. Гаврилова Е.А. Пушкинские места Псковской земли в 1837–1945 гг.: от дворянской усадьбы к государственному заповеднику: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 225 с.
8. Давыдов А.И. Воспоминания В.В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском» // Михайловская пушкиниана. 1996. № 1. С. 5–34.
9. Дубровский А.В. Поездка П.А. Вяземского в Святые Горы в 1841 году // Вестник ПсковГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. № 13. С. 56–60.
10. Золотцев С.А. ...Уже совсем за вечерело // Золотцев С.А. Псковская рапсодия. Книга стихотворений и поэм. Псков: изд-во ОЦНТ, 2003. С. 119–120.
11. Зонтова Е.А. «Пушкинский уголок» в путеводной литературе конца XIX – первой половине XX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2014. Вып. 3. С. 145–157.
12. Зонтова Е.А. Усадьба Михайловское после пушкинской поры (1837–1899) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3. Т. 2. С. 25–27.
13. Некрасов В.Н. Геркулес. Стихи 1956–1983. Вологда: Б-ка московского концептуализма Германа Титова, 2012. 591 с.

14. Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н.В. Большаковой. СПб.: Медиапир, 2025. 438 с.
15. Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3 т. / под ред. Е.Б. Егорова. М.: Кириллица, 2003. Т. 1. 448 с.
16. *Разумовская А.Г.* «Пушкинский уголок» России: мифологизация усадьбы в постусаддебную эпоху // *Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты: коллективная монография.* Псков: ЛОГОС, 2015. С. 149–171.
17. *Сергеева-Клятис А.Ю.* Повседневная жизнь Пушкиногорья: село Михайловское и его обитатели. От Александра Сергеевича до Семена Степановича. М.: Молодая гвардия, 2018. 336 с.
18. Скоро ли Святые Горы? По следам паломников в «Пушкинский уголок» / сост. В.К. Иванова, С.П. Иванова. М.: Ас-Траст, 2008. 236 с.
19. *Тургенев А.И.* Письма к А. И. Нефедьевой и другим о дуэли и смерти Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 2. С. 203–219. № 9. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs2/vs2-203-.htm?cmd=p> (дата обращения: 25.03.2025).
20. *Шуган О.В.* М. Горький и история реставрации Пушкинского заповедника // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 74–82.

Research Article

“The Last Refuge” of Alexander Pushkin Viewed by Wandering Eyewitnesses

© 2025. Aida G. Razumovskaya
Pskov State University,
Pskov, Russia

Abstract: For the first time, the article examines the emergence of the literary image of the “important Memoria of Pushkin,” the Svyatogorsky Monastery. This image was formed in the Russian cultural mind by both ordinary and renowned authors and pilgrims of the place in the 19th and 20th centuries. The letters, memoirs, travel notes, short stories, poems, and documentary literature form the research basis. Using structural, comparative historical, and literary methods, the author identifies the motif complex for visiting the shrine. This complex comprises the peculiarities of its nature and landscape, the digression to the monastery history, the narrators’ participation in the memorial service, and the description of the tomb, as well as reflections on the poet, national history and culture and, finally, on Russia’s fate. The author traces the evolution of the image from acknowledging the predetermination and condescension of human life, through claiming the poet’s spiritual immortality and preserving the successive link between generations, raising it up in the idea of Russia’s greatness, and stating its historical, cultural, and poetical memory being focused on this point of Homeland. This research

demonstrates how the reiteration of the same clichés by different authors transforms the poet's burial place into a "secondary" mythological reality, that is, the spiritual and aesthetic projection of the given reality.

Keywords: the code of Pushkinskie Gory, the Svyatogorsky Monastery, the tomb of Alexander Pushkin, guiding books, D.I. Matskevich, Kirill Timofeyev, Konstatin Sluchevsky, Varvara Timofeyeva (Pochinkovskaya), mythologization, cultural memory.

Information about the author: Aida G. Razumovskaya, DSc in Philology, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Language and Culture named after prof. E.A. Maimin, Professor, Pskov State University, Lenin Sq., 2, 180000 Pskov, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

E-mail: razumov.ag@yandex.ru

For citation: Razumovskaya, A.G. "The Last Refuge' of Alexander Pushkin Viewed by Wandering Eyewitnesses." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 396–414. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-396-414>

References

1. Budylin, I.T. *Zolotaia tochka Rossii [The Golden Point of Russia]*. St. Petersburg, Novyi gorod Publ., 1995. 111 p. (In Russ.)
2. Budylin, I.T. *Pushkinskii zapovednik: muzei i zhizn' [Pushkin Reserve: Museum and Life]*. Moscow, Profizdat Publ., 2009. 320 p. (In Russ.)
3. Vasil'ev, M.E. *Sviatogorskii i Uspenskii monastyr' [Svyatogorsk and Assumption Monastery]*. Pskov, Otchina Publ., 1997. 62 p. (In Russ.)
4. Vasil'ev, M.E. "Sviatogorskii i Uspenskii monastyr' i Pushkinskie torzhestva v Sviatykh Gorakh v 1899 godu" ["Svyatogorsk and Assumption Monastery and Pushkin Celebrations in Svyatogorsk in 1899"]. *Mikhailovskaia pushkiniana*, no. 12, 2000, pp. 117–123. (In Russ.)
5. Vershinina, N.L. "Bezuprechnyi rytsar'" novogo vremeni Aleksandr Nikolaevich Iakhontov ["The Flawless Knight" of the New Time, Alexander Nikolaevich Yakhontov]. Pskov, Logos Plus Publ., 2011. 204 p. (In Russ.)
6. Gorodnitskii, A. "Sviatogorskii monastyr'" ["Svyatogorsk Monastery"]. *Zvezda*, no. 3, 2013. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2015> (Accessed 25 March 2025). (In Russ.)
7. Gavrilova, E.A. *Pushkinskie mesta Pskovskoi zemli v 1837–1945 gg.: ot dvorianskoi usad'by k gosudarstvennomu zapovedniku [Pushkin Places of Pskov Land in 1837–1945: From a Noble Estate to a State Reserve: PhD Dissertation]*. St. Petersburg, 2015. 225 p. (In Russ.)
8. Davydov, A.I. "Vospominaniia V.V. Timofeevoi (Pochinkovskoi) 'Shest' let v Mikhailovskom'" ["Six Years in Mikhailovskoye," Memories of V.V. Timofeeva (Pochinkovskaya)]. *Mikhailovskaia pushkiniana*, no. 1, 1996, pp. 5–34. (In Russ.)
9. Dubrovskii, A.V. "Poezdka P.A. Viazemskogo v Sviatye Gory v 1841 godu" ["P.A. Vyazemsky's Trip to the Holy Mountains in 1841"]. *Vestnik PskovGU. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki,"* no. 13, 2022, pp. 56–60. (In Russ.)

10. Zolottsev, S.A. "...Uzhe sovsem zavecherelo" ["...It Was Quite Dark Already"]. Zolottsev, S.A. *Pskovskaia rapsodiia. Kniga stikhotvorenii i poem [Pskov Rhapsody. Book of Poems]*. Pskov, OTsNT Publ., 2003, pp. 119–120. (In Russ.)
11. Zontova, E.A. "'Pushkinskii ugiolok' v putevodnoi literature kontsa XIX – pervoi poloviny XX v." ["'Pushkin's Corner' in the Travel Literature of the Late 20th – First Half of the 20th Century"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2*, issue 3, 2014, pp. 145–157. (In Russ.)
12. Zontova, E.A. "Usad'ba Mikhailovskoe posle pushkinskoi pory (1837–1899)" ["The Mikhailovskoye Estate After the Pushkin Era (1837–1899)"]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, vol. 2, 2015, pp. 25–27. (In Russ.)
13. Nekrasov, V.N. *Gerkules. Stikhi 1956–1983 [Hercules. Poems 1956–1983]*. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova Publ., 2012. 591 p. (In Russ.)
14. Bolshakova, N.V., editor. *Putevye zametki kak istochnik poznaniia rossiiskoi provintsii: Pskovshchina XIX v. glazami puteshestvennikov [Travel Notes as a Source of Knowledge of the Russian Province: Pskov Region of the 20th Century Through the Eyes of Travelers]*. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2025. 438 p. (In Russ.)
15. Egorova, E.B., editor. *[Pushkin Encyclopedia "Mikhailovskoye": in 3 vols.]*, vol. 3. Moscow, Kirillitsa Publ., 2003. 448 p. (In Russ.)
16. Razumovskaia, A.G. "'Pushkinskii ugiolok' Rossii: mifologizatsiia usad'by v postusadebnuui epokhu" ["'Pushkin's Corner' of Russia: Mythologization of the Estate in the Post-Estate Era"]. *Russkaia usad'ba: regional'nye i obshchekul'turnye aspekty: kollektivnaia monografiia [Russian Estate: Regional and General Cultural Aspects: Collective Monograph]*. Pskov, LOGOS Publ., 2015, pp. 149–171. (In Russ.)
17. Sergeeva-Kliatis, A.Iu. *Povsednevnaia zhizn' Pushkinogor'ia: sel'tso Mikhailovskoe i ego obitateli. Ot Aleksandra Sergeevicha do Semena Stepanovicha [Everyday Life in Pushkinogorye: The Village of Mikhailovskoye and Its Inhabitants. From Alexander Sergeevich to Semyon Stepanovich]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018. 336 p. (In Russ.)
18. *Skoro li Sviatye Gory? Po sledam palomnikov v "Pushkinskii ugiolok"* [Will the Holy Mountains Coming Soon? In the Footsteps of Pilgrims to the Pushkin Corner], comp. by V.K. Ivanova and S.P. Ivanova. Moscow, As-Trast Publ., 2008. 236 p. (In Russ.)
19. Turgenev, A.I. "Pis'ma k A.I. Nefed'evoi i drugim o dueli i smerti Pushkina" ["Letters to A.I. Nefed'ev and Others About the Duel and Death of Pushkin"]. *Pushkin v vospominaniakh sovremennikov [Pushkin in the Memoirs of Contemporaries]*, vol. 2. 3rd ed., add. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1998, pp. 203–219, no. 9. Available at: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs2/vs2-203-.htm?cmd=p> (Accessed 25 March 2025). (In Russ.)
20. Shugan, O.V. "M. Gor'kii i istoriia restavratsii Pushkinskogo zapovednika" ["M. Gorky and the History of the Restoration of the Pushkin Reserve"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 30, no. 3, 2024, pp. 74–82. (In Russ.)